

Мужеложство и современные представления о русской традиции гомофобии

Вслед за принятием закона против так называемой «гей-пропаганды» в 2013 году, в Законодательном собрании Санкт-Петербурга стали обсуждать идею референдума о наказании за мужеложство. Виталий Милонов, депутат собрания и инициатор различных законопроектов, направленных против ЛГБТ-сообщества, неоднократно выражал свое желание вернуть старорусский уголовный кодекс о мужеложстве. По его мнению, «мужеложство» является синонимом гомосексуальности, которую якобы никогда не одобряли на русской земле. Таким образом он считает представителей ЛГБТ сообщества «нетрадиционными», а непереносимость сексуальных меньшинств – традицией. Главная задача статьи – показать, что современные представления об устойчивой традиции гомофобии в русской истории ошибочны.

Мнение Милонова не ограничивается узкой политической сферой. В русскоязычных академических работах иногда выдвигается миф об исторической гомофобии страны. Возьмем, например, статью о «гомосексуализме», как его называют в Православной Энциклопедии. В ней написано следующее: «Гомосексуализм, мужеложство, перверсивные сексуальные отношения, практикуемые между лицами одного пола. Отношение Православной церкви к гомосексуализму остается неизменным на протяжении всего ее исторического существования: любой гомосексуальный акт греховен» (Православная Энциклопедия 2011, 42). Авторы статьи не делают различия между «мужеложством» и «гомосексуализмом», а отношение к однополому контакту в истории Церкви считают устойчивым.

Реагируя на преследование сексуальных меньшинств в России, журналисты и ученые на Западе иногда ненамеренно, но повторно заявляют, что антипатия к гомосексуальности представляет собой

свойство, присущее русской культуре. Вскоре после запрета «гей-пропаганды» в России, например, журнал *Live Science* опубликовал статью под названием «Почему Россия так ненавидит геев». В этой статье неодобрение ЛГБТ-движения русским обществом объясняется историческими причинами. Известный историк Дэн Хили рассказывает о преследовании геев в XIX–XX веках, и журналистка *Live Science* приходит к выводу, что «царская Россия едва ли относилась к геям лояльно» (Parras 2014). Россия, оказывается, всегда была гомофобной, и, раз это так, то последние нарушения прав ЛГБТ сообщества никого не должны удивлять, и к ним нужно относиться «с терпимостью». Отрицая историческую точку зрения Милонова, эта статья одновременно подвергает сомнению часто встречаемые предположения о якобы гомофобной истории России.

В нашей статье уделяется внимание истории «мужеложства» как правовой категории в двух частях. В первой части обсуждается ранняя история и значение самого слова «мужеложства». Вторая часть посвящена его криминализации в XVIII и XIX веках. Основная идея работы заключается в том, что понятие «мужеложства» было неоднозначным до конца XIX века, и что на протяжении XVIII и XIX веков отношение к нему в России было менее строгим, чем в северной Европе.

* * *

В современном русском языке слово «мужеложство» воспринимается как древний церковный термин, обозначающий половой акт между мужчинами. В различных энциклопедиях и словарях создается впечатление, что «мужеложство» издревле отсылает к гомосексуальности, которая якобы является извращением. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона начала XX века, например, пишется следующее: «мужеложство – весьма распространенное с древних времен извращенное удовлетворение пологого чувства» (Брокгауз, Ефрон 1897, 110). Большая энциклопедия русского народа последнего десятилетия указывает, что «мужеложство – противоестественное плотское соитие мужчины с мужчиной, издревле считалось деянием наказуемым». Однако, если посмотреть на старорусские каноны и светские законы против «мужеложства», становится ясным, что такого однозначного понятия термин не имел не только в средневековье, но и вплоть до конца XIX века.

В словаре древнерусского языка Измаил Срезневский указывает, что слово «мужеложник» возможно впервые упоминается в грамоте митрополита Алексия, относящейся к 1356 году. Термин появляется в переводе с греческого первого послания к Коринфянам 6:9–11: «Братья, не прельщайтесь: ни блудницы, ни прелюбодеицы, ни идолослужители, ни творяще блудъ рукою ни мужоложници, ни лихоимицы, ни татеве, ни грабители царства Божия не наследятъ» (Срезневский 1902, 188). Библисты расходятся в интерпретациях оригинального греческого стиха. Долгое время считалось, что под словом «мужеложники» по-

дразмевались именно гомосексуалы. Однако начиная с конца XX века ученые стали видеть оригинальный греческий стих по-другому. В 1989 году Дэйвид Райт опубликовал статью, в которой показано, что греческий термин «ἀρσενοκοῖται» (*арсенокоитаи*, т.е. мужеложники) ссылался не на гомосексуалов в общем смысле, а именно на так называемую «педерастию», обозначающую потенциально эксплуатационные отношения между взрослым мужчиной и юношей, широко распространенные в Средиземноморье в период античности (Wright 1989).

Важно иметь в виду, что древнерусское слово «мужеложство» является буквальным переводом греческого термина. Это намекает либо на недопонимание переводчиком оригинального слова, либо на отсутствие на русской почве подобного понятия, или же на то и другое вместе. Неудивительно, что, в результате слово употреблялось по-разному. Очень часто слово подразумевало не то, что оно обозначает в наше время. В церковном праве точное значение «мужеложства» не было указано, и даже в XVIII и XIX веках светские законы против него не всегда применялись в судебных делах, касающихся однополого секса, и даже вводились против мужчин, обвиняемых в блуде с женщиной. В 1719 году, например, в городе Арзамасе за изнасилование трех мальчиков судили плотника и учителя Петра Иевлева. В течение процесса Иевлев признался в том, что он занимался сексом с еще девятью несовершеннолетними юношами, фактически признаваясь в «педерастии». Любопытно, что судья в этом случае не ссылался на существующие законы против «мужеложства», а приговорил Иевлева к битью кнутом за «блуд» (Kollmann 2012, 270). К тому же, в 1869 году мужчину под фамилией Микортумов обвинили в «мужеложстве» за «совокупление через задний проход с девочкой» (Штольц 1885, 168). В учебнике для юристов из 1885 года это дело упоминается в статье о педерастии, свидетельствуя о том, что в русской юридической практике «мужеложство» обозначало преступление сексуального характера, совершенное мужчиной, но не обязательно с другим мужчиной. Исходя из этого можно сделать вывод, что гендерно маркированный характер слова «мужеложства» в сегодняшнем понятии отличается от его исторического значения и применения в юридической практике.

В конце XX века известный историк Джон Босуэлл, анализируя греческий термин «арсенокоитаи», пришел к выводу, что данный грех определяется не тем, с каким полом блудник занимается сексом, а полом самого блудника (Boswell 1980, 344). Хотя филологи доказали, что Босуэлл ошибался в своей интерпретации греческого термина, вывод Босуэлла проливает свет на русский контекст. В России «мужеложство» не являлось синонимом гомосексуальности, поскольку до конца XIX века оно могло обозначать совокупление вне зависимости от пола пассивного партнера. В научной литературе пока что отсутствуют сведения о каком-либо применении светских законов против «мужеложства» исключительно на основании однополых связей за всю историю Российской Империи.

Стоит отметить, что «мужеложство» не является единственным термином, употребляемым в описании истории гомосексуальности. Некоторые источники ссылаются на «содомский грех», передавая историю о Содоме и Гоморре. Но, если историки гендера и сексуальности в европейском контексте показали, что «содомия» не является синонимом «гомосексуальности», а включает в себя различные виды сексуальных грехов, то в российских научных работах «содомский грех» часто воспринимается как однозначная ссылка на однополые связи. Возьмем, например, послание псковского старца Филофея к великому князю Василию III, относящееся к 1520-м годам. В этом послании монах предупреждает об угрозе падения Москвы из-за распространенной в ней содомии. В толкованиях этого текста ученые воспринимают предупреждение как отсылку именно на соитие мужчины с мужчиной. В. В. Колесов пишет, что «в нем затронуты также вопросы о [...] содомском грехе (гомосексуализме)» (Колесов 2000, 300). Однако, в послании содомский грех определяется лишь половым актом, «убивающим плод чрева» (Колесов 2000, 302). Нужно иметь в виду, что Филофей пишет князю, жена которого была бесплодной, и с которой он развелся. За это в третьей псковской летописи, относящейся приблизительно к тому же времени, князя обвиняют в прелюбодеянии. Вполне возможно, что Филофей тоже выражает неодобрение самого князя, тем более что он жалуется именно на «князей содомских», цитируя Исаию. Общепринятое толкование данного послания говорит о том, что представление о мужеложцах и содомитах как о гомосексуалах является предубеждением нашего времени, затуманивающим историческое восприятие сексуальности, которое нельзя считать однозначным.

* * *

Светские законы против «мужеложства» появились в России лишь в 1706 году. В этот год был опубликован так называемый краткий артикул Меншикова, который заложил основу воинского устава Петра I 1716 года (Акишин 2012). Эти законы касались только военных. В артикуле 1706 года за мужеложство было предложено наказание в виде сожжения на костре, а в уставе Петра 1716 года было установлено телесное наказание. Только в 1832 году ввели закон против мужеложства для всех граждан, в котором установили наказание в форме лишения недвижимости и ссылки в исправительные учреждения. В новом издании закона 1845 года мужеложство было установлено как преступление против общественной нравственности (Майданович 2015, 25). Что свидетельствуют эти законы об отношении к гомосексуальности в Российской Империи?

Во-первых, стоит еще раз подчеркнуть, что правовой режим против мужеложства однозначно не подразумевал однополый секс. Например, в новой редакции закона 1845 года, опубликованной в 1885 году, отмечается, что «противоестественное совокупление» происходит меж-

ду двумя мужчинами так же, как и между мужчиной и женщиной, «так как совершение сего преступления оказывается одинаково возможным и над женщиной» (Майданович 2015, 26). Тем не менее, в течение XVIII и XIX веков эти законы нередко понимали как регулирование именно однополых отношений. Например, в своем правовом толковании 1867 года Александр Лохвицкий предполагал, что на Руси мужчины совершали мужеложство друг с другом, именно когда они воевали и не было рядом женщин (Лохвицкий 1867, 443). К тому же, в уставе 1716 года «о содомском грехе» регулируется именно мужеложство двух мужчин, «ежели муж с мужем мужеложствует».

Законы против мужеложства в России были основаны на европейских примерах. Военский устав Петра опирался на шведские примеры, а гражданские законы против мужеложства были основаны на немецких законах (Healey 2001, 22). Цель второй части статьи дать краткое описание главных тенденций в правовом регулировании гомосексуальности в Швеции и Германии, чтобы в общих чертах обозначить российские представления о мужеложстве в межкультурном контексте.

В Швеции раннего нового времени Церковь играла активную роль в судебных процессах. Нарушения законов, считавшиеся особенно серьезными, сначала обсуждались в епархии и потом отправлялись епископом в суд (Sundin 1992, 101). В список серьезных преступлений входили и различные сексуальные преступления. В целом, правовое регулирование сексуальных отношений в Швеции было более масштабным по сравнению с Россией (Sundin 1992, 99). Более того, правовое регулирование гомосексуальности продолжалось в Швеции до середины XX века, когда появились научные понятия о гомосексуальности (Rydström 2000, 261). Даже когда психоаналитик Гуннар Нисандер опубликовал в 1933 году свою книгу *Наказуемая болезнь*, он предложил не преследовать гомосексуалов только в том случае, если они не будут приносить ущерб обществу (Rydström 2000, 262). В Швеции смягчение отношения к гомосексуальности, в том числе на уровне закона, стало результатом ее научного исследования.

В Германии правовое регулирование однополых отношений изменялось не только по времени (в 1871 году ввели законы против гомосексуальности после долгого периода декриминализации), но и по регионам, поскольку из-за федеративного устройства Германии законы применялись по-разному (Beachy 2010, 809). Однако, во второй половине XIX века, благодаря свободной прессе, которая разрешала активистам публиковать свои научные работы, начало разворачиваться движение против криминализации гомосексуальности (Beachy 2010, 804). Тем не менее, закон, введенный в 1871 году, действовал на практике как минимум до 1969 (окончательно его отменили только в 1994 году).

В России, по сравнению, во-первых, законы против «мужеложства» касались не только гомосексуалов, но и мужчин, занимавшихся сексом

с женщинами. Гендерная маркированность мужеложства в России стабильно определялась только полом виновника преступления, а не его сексуального партнера, о чем свидетельствует вышеупомянутая редакция закона 1885 года. Более того, в 1903 году в России произошло значительное смягчение закона, когда наказанием за мужеложство стало тюремное заключение до трех месяцев. Более того, начиная с 1860-х годов правоведа в России выступали против законодательного регулирования мужеложства. Лохвицкий, например, не был согласен с определением мужеложства как преступления против общественной нравственности, если оно скрыто от глаз общества (Лохвицкий 1867, 443). Важно отметить, что правоведа возражали не из-за медицинских соображений, как это было в Северной Европе. Например, в 1875 году Николай Неклюдов, член Министерства внутренних дел, предложил вовсе декриминализовать мужеложство по религиозным соображениям, считая, что если оно будет упоминаться в правовом кодексе, то о нем узнают и начнут совершать. Явно не одобряя мужеложство, что бы оно ни обозначало, Неклюдов все равно не считал его преступлением, не соглашаясь с тем, что в Германии за него приговаривали к тюремному сроку (Майданович 2015, 26).

Если сомнительно говорить об устойчивой и однозначной исторической «традиции» гомофобии во всей истории России до XX века, то об истории гомосексуальной субкультуры свидетельствуют разные источники. Например, отчет столичной полиции начала 1890-х годов сообщает, что мужеложство «существует уже несколько лет, но никогда не принимало такого размера, как в настоящее время, когда нет, можно сказать, ни одного класса в Петербургском населении, среди которого не оказалось бы много его последователей» (Берсенев 1998). В конце отчета отмечается «бездействие властей». Бывало, что распространенные в столице однополые отношения наказанию не подвергались.

Таким образом, идея, что «мужеложство» является синонимом гомосексуальности и что история его правового регулирования свидетельствует об однозначном и устойчивом отрицательном отношении к гомосексуальности на русской почве, не может быть основана на исторических доказательствах. «Мужеложство», так же как и «содомский грех», не имело определенного значения до XX века. К тому же, если сравнить законы против мужеложства в России с положением в Северной Европе, откуда они были взяты, и рассмотреть их в европейском контексте, становится понятно, что не только Россия могла бы претендовать на наличие гомофобной исторической традиции. Выясняется, что эта традиция новая, а не историческая. Именно этой неисторичностью приверженцы законопроекта против «мужеложства» продвигают современную традицию гомофобии в России.

- Акишин М. 2016. «Военно-судебная реформа Петра Великого». *Меншиковские чтения* 7: 11–32.
- Брокрауз Ф., Ефрон И., ред. 1897. *Энциклопедический словарь*, т. XX. С.-Петербург: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона).
- Берсенев В. В., Марков А. Р. 1998. «Полиция и геи: Эпизод из эпохи Александра III». *Риск (Альманах)* 3: 105–116.
- Гомосексуализм. 2011. «Гомосексуализм», *Православная энциклопедия*, т. 12, 42–44. Москва: ЦНЦ «Православная Энциклопедия».
- Колесов В. 2000. «Послание старца Филофея». *Библиотека литературы Древней Руси*, т. IX, 300–305. С.-Петербург: РАН.
- Лохвицкий Александр. 1867. *Курс русского уголовного права*. С.-Петербург: Тип. Правительствующего сената.
- Майданович Н. 2015. «Проблема объекта половых преступлений в уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.». *Вопросы теории и истории государства и права* 1 (68): 24–30.
- Срезневский Измаил. 1902. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*, т. II. С.-Петербург: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук.
- Штольц Владимир. 1885. *Руководство к изучению судебной медицины для юристов*. С.-Петербург: Издание И. С. Леви.
- Beachy, Robert. 2010. “The German Invention of Homosexuality.” *The Journal of Modern History*, 82 (4): 801–838.
- Boswell, John. 1980. *Christianity, Social Tolerance and Homosexuality*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Healey, Dan. 2001. *Homosexual Desire in Revolutionary Russia: The Regulation of Sexual and Gender Dissent*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Kollmann, Nancy. 2012. *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. New York: Cambridge University Press.
- Pappas, Stephanie. 2014. “Why Russia Is So Anti-Gay.” *Live Science*: <https://www.livescience.com/43273-why-russia-is-anti-gay.html>
- Rydström, Jens. 2000. “Sodomitical Sins Are Threefold: Typologies of Bestiality, Masturbation, and Homosexuality in Sweden, 1880–1950.” *Journal of the History of Sexuality*, 9 (3): 240–276.
- Sundin, Jan. 1992. “Sinful Sex: Legal Prosecution of Extramarital Sex in Preindustrial Sweden.” *Social Science History*, 16 (1): 99–128.
- Wright, David. 1989. “Homosexuality: The Relevance of the Bible.” *The Evangelical Quarterly*, 61 (4): 291–300.